

Глава 14

Фан Вэнь побагровел от унижения. Закатав рукава, он шагнул вперёд, едва не задыхаясь от злобы:

— Ах ты, паршивец! Что ты там вякнул?!

Вэй Чэн мгновенно заслонил Горшочка собой. Он сделал встречный шаг, и одного его роста хватило, чтобы полностью подавить спесь обидчика, который был ниже его на целых две головы.

— Ты сам во всеуслышание заявил, что хочешь угостить людей. А раз не по карману — нечего и фасонить, изображая богача, — с нескрытой иронией произнёс он. — И это слова книжника? Неужто наставник учил тебя чесать языком и сыпать оскорблениями? Раз уж мы оба в городе, может, зайдём в твою школу да спросим у него самого?

Услышав упоминание о наставнике, Фан Вэнь вмиг переменялся в лице. Однако он всё ещё пытался огрызаться:

— Вэй Чэн, ты — всего лишь нищий деревенщина! Тебя и на порог школы не пустят, не то что к наставнику!

— Вот как? А ты дай мне попробовать, тогда и узнаем, пустят меня или нет, — холодно отрезал Вэй Чэн.

Юноша невольно притих. Перед ним стоял Чэн — хоть и в старой, залатанной зимней куртке, но спокойный, статный и по-своему красивый. В нём не осталось ни капли от того диковатого мальчишки, что раньше бегал по лесам. Видя эту уверенность и слыша веские слова, Фан Вэнь почувствовал, как в душе шевельнулся страх.

В этот момент подошли его родители с бумажным свертком в руках. Мать Фан Вэня, завидев братьев Вэй, тут же оттащила сына в сторону:

— Сколько раз тебе повторять? Не смей водиться с этими проклятыми сиротами! Ещё сглазят тебя, не сможешь текст на память прочесть — вот тогда посмотришь, как наставник тебя по рукам линеечкой отходит!

Сын надулся, не решаясь признаться, что сам напросился на грубость. Взглянув на тощий сверток в руках матери, он недовольно нахмурился:

— Почему так мало? Наставнику дарить — только позориться! А мне почему ничего не купили? Вы же обещали!

— Больно дорого эти цукаты стоят. Купили несколько штук для приличия, и хватит. Уж лучше два куска мяса в подарок отнести, солиднее выглядеть будет, — принялась успокаивать его

мать. — Это отец твой пожадничал, не велел покупать. И за учење платить, и к Новому году готовиться... Боюсь, нам самим этой зимой мяса не видать. Вот разбогатеем немного, тогда и купим тебе всего, ладно?

Он хотел было устроить сцену, но, встретившись с суровым взглядом отца, осекся. Обиженно фыркнув, книжник направился к выходу. Уже в дверях он обернулся и увидел, что Вэй Чэн, держа на руках младшего, и не думает уходить — они с интересом рассматривали сладости на прилавке. Глаз у Фан Вэня был острым: он заметил в руках у малыша старый кошель, который при каждом движении издавал отчетливое и довольно увесистое звяканье. Денег там явно было немало!

Злость и зависть вспыхнули в нём с новой силой. Развернувшись на каблуках, он подскочил к ним:

— Вэй Чэн! Откуда... откуда у тебя столько денег?!

Вэй Чэн обернулся, мельком взглянул на всё семейство и равнодушно ответил:

— Вязанку за вязанкой дрова продавали. А что?

Сердце Фан Вэня kloкотало от негодования. Пока семья Вэй была в сборе, Вэй Чэн считался вожаком деревенской детворы — его отец был лучшим охотником в округе, и многие мальчишки заискивали перед ним. Фан Вэня, щуплого и низкорослого, часто дразнили, сравнивая с Чэном. Даже взрослые у деревенских ворот говаривали, что Чэн вырастет могучим работником, любо-дорого посмотреть, не то что этот заморыш, которому и жену-то найти будет трудно...

Потом Вэй Чэн уехал из деревни, а когда вернулся, его соперник уже учился в городской школе. Талантов у него не было, но память была неплохой, и родители вбили себе в голову, что их сын — будущий ученый. На самом деле юноша терпеть не мог книги, но знал: пока он учится, всё самое лучшее в доме достается ему. Грубые деревенские мужики в этом ничего не смыслили — они твердили, что он станет большим чиновником, куда способнее этого Вэй Чжи, который вечно пропадает над книгами в своём доме! Деревенские дети лестили ему, и только Вэй Чэн с Ма Доумяо по-прежнему ни во что его не ставили.

С Доумяо всё ясно, но этот Вэй Чэн — сирота, брошенный матерью! Он должен прозябать в нищете, страдать и голодать, а не жить лучше! С какой стати этот оборванец будет есть цукаты, о которых Фан Вэнь мечтал целый год?

— Так я и думал, — фыркнул он. — Горбатился, значит, за медяк. Что ж, оно и понятно: таким сиротам только и остается, что в земле ковыряться да в лесу деревья рубить.

Вэй Чэна эти слова не задели. Он считал, что умение работать на земле или в лесу — это и есть настоящая сила, верный путь к жизни. В их краях все только этим и кормились. В лесу полно зверья, разве можно там выжить, если умеешь только языком чесать?

— Тяжело работать — тоже умение, — отозвался он. — Это всяко лучше, чем быть слабаком, у которого сил не больше, чем у цыпленка. Какой же это мужчина, если в нём и силы-то нет?

Эти слова ударили Фан Вэня по больному. Он сжал кулаки, лицо его залилось краской:

— Ты!..

— Разве я не прав? — продолжал Вэй Чэн. — Если человек только и может, что обманывать себя и других над книгами, а сам без родителей и дня в деревне не протянет, потому что силёнок нет — какой от него прок?

— Да как ты смеешь! Мой сын запоминает тексты вмиг, он рожден для учения! — мать книжника хотела было еще что-то выкрикнуть, но, встретившись с черными глазами Горшочка, внезапно осеклась. Видимо, какие-то суеверия заставили её смолкнуть. Вспыхнув от гнева, она лишь сердито засопела и, схватив сына за руку, потащила его прочь.

Горшочек склонил голову набок, в его темных глазках читалось недоумение:

— Братик, он сказал, что угостит нас, а сам обманул... Мы покупаем сами, а он злится. Почему?

— Просто есть люди, которые не выносят чужой удачи.

Вэй Чэн погладил брата по голове:

— Мы не будем на него похожи. Это нехорошо, таких людей никто не любит.

Малыш послушно кивнул и, обхватив руку брата, уставился на прилавок:

— Братик, сколько тут всего вкусного!

— Выбирай, чего тебе хочется.

— Абрикосовых цукатов.

К этому времени покупатели разошлись, и приказчик подошел к ним:

— Чего желаете, молодые люди?

— У вас есть абрикосовые цукаты? Почём лян? — спросил Вэй Чэн.

— Год выдался засушливый, дождей мало, деревья почти не плодоносили, — принялся объяснять приказчик. — Плоды в «Сюэй» везут с самого юга, потом вымачивают в меду и

солодовом сахаре, обсыпают пудрой... Шестнадцать монет за лян.

— Взвесьте один лян, — решил Вэй Чэн.

— Будет исполнено! — крикнул приказчик.

Ребёнок, не мигая, следил за тем, как работник берет сладости. Губы его беззвучно шевелились:

— Один... два... ти...

На «трёх» он запнулся и начал считать заново.

Цукаты были тяжелыми, и Вэй Чэн заметил, что на один лян вышло всего семь-восемь штук. Впрочем, Горшочку для радости хватило бы и этого. Приказчик упаковал сладости в бумажный пакет и спросил:

— Что-нибудь ещё?

Вэй Чэн поднес брата к прилавку с пирожными. Он решил купить пару штук в подарок. Взгляд его упал на аккуратные, яркие пирожные из зизифуса. Хотя он и старался казаться взрослым, он всё же был ребенком, и при виде любимого лакомства глаза его невольно загорелись.

Малыш вдруг ткнул пальчиком:

— Хочу красненькое... пирожное.

Сказав это, он погладил Вэй Чэна по щеке:

— Горшочек купит... братику!

С этими словами он принялся копаться в своих одежках и выудил те самые пять монет, что Вэй Чэн дал ему на днях.

У Вэй Чэна потеплело на душе. Брат был мал, но, казалось, всегда чувствовал, о чем думает старший. Вэй Чэн не ел пирожных из зизифуса почти четыре года и совсем забыл их вкус. Он мягко оттолкнул ручку малыша с деньгами:

— Не нужно, оставь себе. У нас есть деньги, что мы сегодня за дрова выручили.

Зизифус стоил дешево, так что и пирожные были недорогими — по три монеты за штуку. Вэй Чэн взял два себе, а для лекаря купил четыре изысканных пирожных «Фужун» — они были похожи на пышные бутоны с ярко-красной серединкой. Выглядели они очень нарядно, но и стоили дороже — по пять монет за штуку.

Заметив, как любопытно Горшочек разглядывает «гибискусовые» пирожные, Вэй Чэн, не желая расстраивать брата, купил еще одно и для него.

Итого: шестнадцать монет за цукаты, шесть — за пирожные из зизифуса и двадцать пять — за «Фужун». Всего они потратили сорок семь монет.

Недавно он отдал матушке Доумяо двести монет за работу и двадцать — за картофель, так что от тех мелких денег осталось чуть больше пятидесяти. Вчера, забирая куртку Горшочка, он докупил у неё еще картофеля и сушеной тыквы почти на сорок монет.

«От тех четырех лянов и девятисот монет, заработанных на лягушках, осталось ровно два целых ляна серебром», — подсчитал он про себя.

А вот медяков после продажи зайцев и дров было триста шесть штук. Вычтя сегодняшние траты в лавке сладостей, он получил двести пятьдесят девять монет. Всего же у них было две тысячи двести пятьдесят девять монет.

Выйдя из лавки «Сювэй», Вэй Чэн направился к лавкам с зерном. Картошка да тыква — еда сытная, но от неё часто пучило живот, да и тяжесть в желудке была неприятной. Нужно было купить риса и муки.

Из-за засухи урожай был скудным. Даже грубое сорго и нелущеный рис, от которого потом болел кишечник, стоили по семь монет за доу. Просо — по пятнадцать. Рис с юга был самым дорогим: за чистый жемчужный рис просили сорок монет за доу, а за старый, прошлогодний — двадцать. Мука из сорго стоила восемь монет, а тонкая пшеничная мука — целых тридцать пять.

Вспомнив об этом, Вэй Чэн еще раз помянул добрым словом семью Ли.

«Дать сиротам две чашки риса и две чашки белой муки было по-настоящему щедрым жестом», — старший брат с благодарностью вспомнил их доброту.

Он долго выбирал, прикидывая средства. В итоге юноша взял два доу старого риса и один доу проса — для каши в самый раз. К этому добавил по половине доу сорговой и пшеничной муки. На всё ушло почти восемьдесят монет.

Рядом находилась лавка, где торговали маслом, солью и соусами. Доу соли стоил двадцать монет, уксус — пять монет за доу. Соевая паста была дешевой — в этих краях выращивали много бобов, и почти в каждом доме её готовили сами. Вэй Чэн также набрал немного чеснока, имбиря и острого перца. Все эти приправы обошлись ему еще в шестьдесят монет.

Старший продолжал вести Горшочка за руку. Малыш, довольный угощением, не капризничал: он с наслаждением посасывал цукаты и напевал под нос какую-то песенку. А вот Вэй Чэн,

чувствуя, как пустеет кошель, начал беспокоиться.

«Похоже, скоро придется снова идти в горы за лягушками. Но при мысли о волках у него холодело внутри» — он ощутил укол тревоги.

Сегодня было девятнадцатое число двенадцатого месяца. Двадцать второго женится третий сын семьи Ли. Они отнеслись к нему по-доброму, и в будущем ему еще не раз придется просить их о помощи, так что подарок должен быть достойным.

«В крайнем случае придется заложить серебряный замок... — Вэй Чэн нахмурился. — Все равно Горшочек его невзлюбил после того, как вещь побывала в руках Сун Баоэра».

«Лучше бы его сохранить, но если прижмет — придется расстаться».

Скрывая тревогу за спокойным лицом, Вэй Чэн привел брата к самой большой в городе кузнице. На улице стоял мороз, а здесь было жарко и душно. В полумраке, под бесконечный звон молотов, он увидел могучего мужчину с обнаженным торсом. Тот, обливаясь потом, яростно ковал железо у горна. Его черные глаза смотрели сурово и даже свирепо.

Горшочек вцепился в руку брата и от страха перестал жевать цукат, поспешно проглотив его. Кузнец мельком глянул на них и крикнул куда-то вглубь:

— Хозяйка, люди пришли!

— Иду, иду!

К ним вышла женщина с тонкой, как у змеи, талией и лукавой улыбкой:

— Ой, какие молодцы к нам зашли! Что присматриваете?

— Нам нужен кухонный нож, топор для дров, и еще я хотел узнать, сколько стоит железный котел, — ответил Вэй Чэн.

— Всё есть.

Красавица присела перед Горшочком и, смеясь, заглянула ему в глаза:

— А тебе, маленький храбрец, что нужно? Ну-ка, расскажи тетушке.

Малыш был таким беленьким и милым, что городские торговки вечно норовили с ним заговорить. Ребенок даже не смел поднять на неё взгляд — он покосился в сторону, наткнулся на грозный взор кузнеца и тут же опустил голову.

— Братик... уже сказал, — прошептал он.

Эта женщина совсем не походила на деревенских баб. В ней была какая-то манящая, колдовская сила. Она коснулась кончиком пальца носа Горшочка:

— Малыш, почему ты на меня не смотришь?

Тот покраснел, мельком глянул на неё и снова потупился. Но любопытство взяло верх: он сделал два шага вперед и повернулся к кузнецу спиной. Мол, если я его не вижу, значит, и он на меня не смотрит.

— А твой муж... он всё еще на меня смотрит? — прошептал он ей на ухо, как маленький заговорщик.

— Не смотрит, не смотрит, — красавица так и зашлась от смеха. Поправив серьгу, она спросила: — Ну скажи, маленький герой, тетушка красивая?

— Красивая! — Горшочек восторженно закивал. — Тётушка, ты такая красивая! И пахнешь вкусно... даже вкуснее, чем мой персиковый бальзам.

Женщина рассмеялась еще громче, качая бедрами:

— Ох и сладкий у тебя язычок!

Она посмотрела на Вэй Чэна:

— Твой брат, когда вырастет, приведет тебе столько невесток — замучаешься выкуп готовить. Пусть отец твой заранее калым откладывает.

Горшочек не понял:

— Невестка? А что это такое?

— Невестка — это та, кого ты будешь обнимать, когда ложишься спать, — смеясь, ответила женщина.

— Нет! Не хочу никого другого обнимать!

Малыш развернулся и крепко обхватил ногу брата. Его большие глаза сияли преданностью:

— Братик, а давай ты будешь моей невесткой? Ну пожалуйста!

У Вэй Чэна даже сердце ёкнуло.

«Это что ещё за «горшочкины» причуды? — он едва сдержал улыбку. — Я — его невестка? А ты тогда кем будешь, маленький Горшочек?»

<http://bllate.org/book/15346/1372674>